

УДК 343.132
Научная статья
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-101-107

Елена Васильевна Брянская

кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-8715-7099>, veret.1976@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Возвращаясь к вопросу о целесообразности следственных судей в процессе доказывания по уголовному делу

Аннотация: В уголовном судопроизводстве, начиная с судебной реформы 1864 года, рассматривалась идея создания состязательного начала. В силу политических и идеологических предпосылок нельзя сделать однозначный вывод о существовании в России состязательного уголовного процесса. На различных этапах его формирования процессуальная форма была преимущественно розыскной или смешанной, когда на досудебных стадиях преобладающей являлась роль органов уголовного преследования в силу возложенного бремени доказывания. В суде всё же имеют место состязательные начала.

Концепция судебной реформы 1991 года ставила задачей формирование абсолютной состязательности процессуальных отраслей права. Однако уголовное судопроизводство в виде состязательной формы не всегда возможно, поскольку в уголовном процессе отсутствует баланс сторон защиты и обвинения в собирании доказательств. Как правило, на досудебных стадиях дело находится в руках органов уголовного преследования, защитник фактически стеснён в получении доказательственной информации, зависим в проявлении процессуальной воли по ходу ведения предварительного расследования.

В связи с этим в настоящей работе поставлена цель рассмотреть роль такого процессуального участника уголовного процесса некоторых зарубежных государств, как следственный судья, положительные и отрицательные стороны его участия.

С одной стороны, как показывает опыт Украины, следственный судья играет в уголовном процессе важную роль в сфере судебного контроля и обеспечения равновесия процессуальных возможностей стороны защиты и обвинения. С другой стороны, юристы Казахстана рассуждают о проблематике и загруженности следственного судьи, процессуальная роль которого не из простых.

В настоящем исследовании использовались следующие методы: беседы, аксиоматический, анализа и синтеза.

В статье рассмотрены точки зрения современных российских и зарубежных учёных о востребованности статуса следственного судьи в российском уголовном судопроизводстве, что в конечном итоге сводится к ментальности отечественного уголовного процесса, который на досудебных стадиях до сих пор остаётся преимущественно обвинительным.

Ключевые слова: уголовный процесс, состязательность сторон, следственный судья, процесс доказывания, собирание доказательств, сторона защиты, стороны обвинения, бремя доказывания

Для цитирования: Брянская Е. В. Возвращаясь к вопросу о целесообразности следственных судей в процессе доказывания по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 101–107; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-101-107.

Elena V. Bryanskaya

Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-8715-7099>, veret.1976@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Revisiting a question of the expediency of investigating judges in the evidentiary procedure in a criminal case

Abstract: In criminal proceedings, starting from the judicial reform of 1864, the idea of creation a principle of adversary was fundamental. Due to political and ideological prerequisites, it is impossible to draw an unambiguous conclusion about the existence of an adversarial criminal process in Russia. At various stages of its formation, the procedural form was predominantly investigative or mixed, which means that at the pre-trial stages the role of the criminal prosecution prevailed due to the assigned burden of proof. But adversarial principles are still present in court.

Undoubtedly, the 1991 reform concept set the task of creating an absolutely competitive judicial process. However, the adversarial form of criminal proceeding is still not always feasible, since there is no balance between the defense and the prosecution in the procuring of evidence. As a rule, at the pre-trial stages, the case lies in the hands of the criminal prosecution authorities, the defender is actually constrained in obtaining proof, dependent on the manifestation of procedural goodwill in the course of the preliminary investigation.

In this regard, the goal of the research is to consider the role of such a procedural participant in the criminal process in the certain foreign states as an investigating judge, and the positive and negative aspects of their role.

On the one hand, the experience of Ukraine shows that the investigating judge is a completely reasonable participant in the criminal process in terms of the implementation of judicial control and in ensuring the balance of interests of the defense and the prosecution in the implementation of objective competitiveness. On the other hand, Kazakh lawyers demonstrate the problems and workload of the investigating judge, whose procedural role is anything but simple.

In order to research the issue of the expediency of the investigating judges in Russia, the following methods were used in this study: conversations, axiomatic method, analysis and synthesis.

The article explores the perspectives of modern Russian and foreign scientists on the relevance or the futility of implementation the role of an investigating judge in Russian criminal procedure. That discussion ultimately comes down to the mentality of the domestic criminal process, that still remains predominantly accusatory at the pre-trial stages.

Keywords: criminal process, adversarial nature of the parties, investigating judge, evidentiary procedure, collection of evidence, defense, prosecution, burden of proof

For citation: Bryanskaya E. V. Revisiting a question of the expediency of investigating judges in the evidentiary procedure in a criminal case // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 101–107; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-101-107.

В последние десять лет научные труды, посвящённые процессуальному статусу следственного судьи, начинаются с цитирования слов Президента Российской Федерации – Владимира Владимировича Путина. Как в 2010, 2015 годах, так и в 2020 году В. В. Путин вновь поручает «рассмотреть целесообразность» создания в России института следственных судей. Дискуссия о функционировании следственных судей ведётся десятки лет, однако не находит своего логического завершения, поскольку «силовые ведомства» выступили против данного процессуального участника.

В числе авторитетных юристов, которые последовательно старались убедить юридическое сообщество в необходимости воссоздания аппарата следственных судей в России – В. Д. Зорькин, Председатель Конституционного Суда России. По его мнению, реализация этой идеи поможет справиться с системной проблемой уголовного процесса¹.

Функционирование следственного судьи в первую очередь рассматривается с точки зрения реализации судебного контроля. Исторически своими корнями положения судебного контроля уходят ещё к 1679 году, благодаря английскому Habeas Corpus Act. В России со времён Петра Великого функционирует прокуратура, обеспечивающая надзор за соблюдением законности в нашей стране, тогда как в Великобритании только суд был наделён правом проверки законности ограничения свободы граждан. В Российской Федерации, как и в СССР, существуют отрасли прокурорского надзора, которые направлены на обеспечение прав человека и гражданина, законности деятельности органов уголовного преследования при реализации предварительного расследования. Нужно отдать должное, «прокурорские» неплохо справились с «проверкой законности и обоснованности производства следственных действий, а также мер пресечения» [1, с. 114].

В настоящее время, начиная с принятия в 2001 году Уголовно-процессуального кодек-

¹ Зорькин В. Д. Конституция живёт в законах // Российская газета. – 2014. – 17 дек. – С. 8.

са Российской Федерации (далее – УПК РФ), в стране постепенно возрождается судебный контроль за деятельностью органов уголовного преследования, который, в принципе, существовал и в советские годы, но был планомерно заменён прокурорским надзором.

А вот в бывших республиках, входивших в состав СССР, в настоящее время активно функционирует следственный судья, ставший одной из центральных фигур в процессе реализации судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса.

Л. В. Головкин сравнительно недавно отмечал, что в России отсутствует судебно-следственная инфраструктура. Концепция судебного контроля слишком узка и неоправданно ограничена, чтобы служить теоретическим фундаментом адекватного институционального выбора [2, с. 32].

В современной России вопрос работы следственного судьи поднимался, начиная с разработки российским парламентом в начале 1990-х годов Концепции судебной реформы. В данном документе провозглашалась судебная власть в свете состязательности, были сделаны акценты на продвижение гарантий самостоятельности и независимости судебной власти.

Как писал А. В. Смирнов, задачей следственного судьи является активная функция судебного контроля за органами предварительного расследования, но без принятия на себя функции уголовного преследования. Безусловно, «несомненным преимуществом конструкции уголовного процесса в свете деятельности следственного судьи называют: реальное введение в досудебное производство состязательных начал»².

Адвокаты, представители стороны защиты в уголовном судопроизводстве, неоднократно высказывались о необходимости восстановления института следственных судей с целью развития полноценной состязательности уголовного процесса не только на досудебных стадиях, но и на судебных.

Как отмечает Т. К. Рябинина, эта идея направлена на обеспечение законности процесса доказывания, а именно, на процессе собирания доказательств, когда вполне реальной стала потребность в предоставлении стороне защиты возможностей для активной реализации прав в собирании доказательств; в формировании таких правил, которые будут направлены на непредубеждённое отношение к подсудимому, проверку обоснованности предъявленного обвинения, грамотности и верности его квалификации по соответствующей статье Уголовного кодекса РФ, и такую оценку доказательств, которая будет соответствовать требованиям закона в отношении их качества и количества [3, с. 203].

Следовательно, положения Концепции и мнения уважаемых представителей уголовного судопроизводства позволяют полагать, что

включение следственного судьи в состязательный процесс поможет уравнивать права стороны обвинения и стороны защиты, когда адвокаты будут на одной ступени с обвинением в собирании доказательств по уголовному делу. В этой связи представляется познавательным мнение А. В. Смирнова о том, что следует создавать такой институт следственных судей, которые при реализации своих полномочий не должны участвовать в рассмотрении уголовного дела по существу, а их деятельность в первую очередь направлена на закрепление доказательств. Это «помогло бы действительно создать равенство между сторонами в процессе следствия, сократило бы сроки предварительного расследования, а также, возможно, предотвратило бы возбуждение безосновательных уголовных дел. Аналогичного мнения придерживаются адвокат Г. М. Резник и судья А.И. Ковлер» [4, с. 227].

Авторы справедливо подчёркивают, что долгое время существует традиционное неравенство возможностей сторон обвинения и защиты в собирании доказательств на стадии предварительного расследования. И. Е. Милова пишет, что уголовное судопроизводство России сложилось таким образом, что практически все доказательства по уголовному делу собираются на досудебных стадиях. В ходе судебного разбирательства, конечно, сторона защиты пользуется правом предоставления доказательств, но фактически в суде первой инстанции имеет место исследование, проверка и оценка уже ранее собранных доказательств. Беспорно наличие заведомой асимметрии в возможностях сторон с противоположными процессуальными интересами по собиранию доказательств, при которой имеет место обвинительный уклон. В связи с этим И. Е. Милова полагает, что «только там, где действует следственный судья, и можно говорить о наличии предварительного следствия, поскольку в его задачу входит формирование судебных доказательств. Деятельность, осуществляемая на досудебных стадиях процесса, по большей части вообще не имеет никакого отношения к следствию, так как сводится к исключительно административным функциям. Именно поэтому в ее результате не создаются доказательства, а лишь получается предварительная (сигнальная) информация» [10]. Однако в уголовном процессе большое значение имеет время, процессуальные сроки, и сторона защиты на досудебных стадиях даже в целях повышения оперативности расследования не наделена полными правами на собирание такой «предварительной (сигнальной) информации».

В свете вышеизложенного для нас очевидна необходимость введения в отечественный уголовный процесс следственного судьи, что стало бы значительным шагом вперёд в усилении активной роли защитника на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Следственный судья видится нам активным участником доказательственного процесса [10]. Тем не менее, мы принимаем во внимание и мнение тех авторов, которые справедливо указывают на прозрачность данных перспектив

²Смирнов А. Вокруг института следственных судей: манипуляции с «американизацией» и «объективной истиной» [Электронный ресурс] // Сайт «Российское агентство правовой и судебной информации». – Режим доступа: http://gapsinews.ru/judicial_analyst/20150323/273371872.html (дата обращения: 01.02.2022 г.).

при условии ненарушения интересов эффективности и оперативности досудебного производства, сохранения полной независимости и объективности органов судебной власти [5, с. 79].

Как отмечается в отдельных источниках, по мнению представителей Генеральной прокуратуры РФ, такие возможности приведут к «неизбежному вторжению следственных судей в сферу деятельности, связанную с осуществлением уголовного преследования», что «вынудит суд стать по одну из «сторон баррикады»»³. К примеру, при заявлении адвокатом ходатайства о проведении судебных экспертиз для следственного судьи его рассмотрение обязательно и, возможно, будет направлено для дачи заключения. Таким образом, наиболее оптимальной будет состязательность на досудебных стадиях процесса.

Проанализировав мнение зарубежных учёных, можно сказать следующее. Иностранные практические работники подчёркивают положительный опыт судебного контроля следственным судьёй и отмечают, что институт следственного судьи носит характер реализации неотложной защиты. К примеру, на Украине действуют три уровня следственных судей: следственный судья местного суда, следственный судья апелляционного суда и следственный судья Высшего антикоррупционного суда. Особенное значение придаётся соблюдению так называемых «приватных» (частных) прав личности.

В то же время украинский опыт показывает, что отдельные положения нуждаются в модернизации. Подтверждением служит судебная статистика по обжалованию решений следственных судей. К примеру, в своём диссертационном исследовании Т. А. Музыченко приводит данные, которые демонстрируют существенное увеличение удельного веса апелляционных жалоб на определения следственных судей, которыми ограничивались личные права граждан в сфере частной собственности: «Если в 2014 г. в суды апелляционной инстанции поступило 924 апелляционные жалобы на определения следственных судей об удовлетворении ходатайства об аресте имущества (из них апелляционными инстанциями отменено 35,7 % принятых решений), то в 2015 г. – 1 тыс. 846 (из них 32,4 % решений отменено), в 2016 г. – 3 тыс. 49 (из них отменено 39,3 % постановлений), а уже в 2017 г. подано 4 тыс. 887 апелляционных жалоб, из которых по результатам апелляционного пересмотра 42,3 % постановлений следственных судей об аресте имущества отменено»⁴. Данные статистики свидетельствуют о том, что институт следственных судей ещё недостаточно проработан.

В Казахстане наиболее серьёзные полномочия следственного судьи делят на следующие группы:

- санкционирование следственных действий, при совершении которых могут нарушаться конституционные права и свободы участников уголовного процесса;

- рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора;

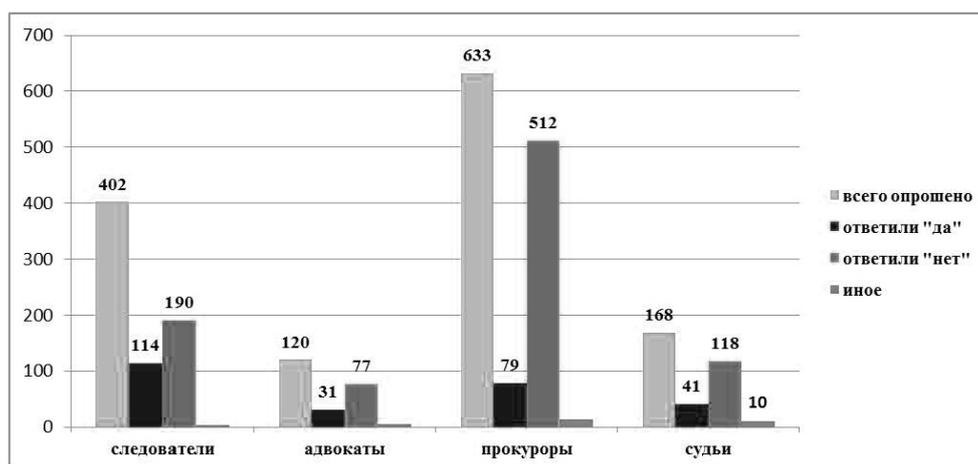
- обеспечение исследования в досудебном производстве доказательств, представляемых стороной защиты.

Мы задались целью проанализировать нормативное содержание статуса следственного судьи в Казахстане. Если обратиться к ст. 55 УПК Казахстана, очевидно, что следственный судья выполняет те же полномочия, что и российский судья суда общей юрисдикции по первой инстанции в рамках судебного контроля. Стоит заметить, что ч. 2 ст. 55 УПК Республики Казахстан возлагает на следственного судью, например, следующие полномочия: рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора; депонирование в ходе досудебного производства показаний потерпевшего и свидетеля; по мотивированному ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника, рассмотрение вопроса об истребовании и приобщении к уголовному делу любых сведений, документов, предметов, имеющих значение для уголовного дела, за исключением сведений, составляющих государственные секреты, в случаях отказа в исполнении запроса либо непринятия решения по нему в течение трёх суток; по мотивированному ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника, рассмотрение вопроса о назначении экспертизы либо производстве органом уголовного преследования иных следственных действий, за исключением негласных следственных действий, в том числе если органом уголовного преследования в удовлетворении такого ходатайства было необоснованно отказано либо по нему не принято решение в течение трёх суток; по ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника, рассмотрение вопроса о принудительном приводе в орган, ведущий уголовный процесс, ранее опрошенного им свидетеля, обеспечение явки которого для дачи показаний затруднительно. Мы отметили полномочия следственного судьи, которые актуальны для уголовного судопроизводства России и могут служить средством баланса объективной состязательности стороны защиты и стороны обвинения.

Следовательно, полномочия судебной власти неразрывно связаны с осуществлением правосудия в состязательном судебном разбирательстве, которое включает в себя участие лиц, для которых материалы уголовного дела доступны. К. А. Савельев пишет: «...При осуществлении судебного контроля о состязательности говорить не приходится: как правило, сторона защиты лишена возможности участвовать в рассмотрении ходатайства следователя о санкционировании следственных действий. Очевидно, что и с появлением судебного следователя ситуация не изменится, поскольку предварительное извещение обвиняемого о планируемых следственных действиях грозит их срывом и поэтому невозможно.

³ Виграйзер А. Следственные судьи: новая надежда [Электронный ресурс] // Сайт «Адвокатская улица». – 2020. – 13 фев. – Режим доступа: <https://advstreet.ru/article/sledstvennye-sudji-novaya-nadezhda/> (дата обращения: 0.02.2022).

⁴ Музыченко Т.А. Апеляційне оскарження ухвал слідчого судді щодо правомірності обмеження права власності особи у досудовому розслідуванні: дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Музыченко Тетяна Олександрівна – Киев, 2018. – С. 16.

В случае избрания меры пресечения говорить о состязательности также невозможно, так как на этот момент защита с уголовным делом не знакома и по общему правилу ограничена в своих средствах одним только указанием на характеристику личности обвиняемого. Не владея информацией об имеющихся в деле доказательствах, обвиняемый и его защитник не могут указать на имеющиеся в деле противоречия, ставящие под сомнения доводы следователя о наличии оснований для применения меры пресечения. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация – носитель судебной власти вынуждается разрешать поставленные перед ним вопросы вне состязательного процесса» [1, с. 109]. Не теряют актуальности и концептуальные мысли Р. С. Белкина, который неоднократно подчёркивал возможность реальной состязательности, но при условии, что будет два параллельных и легальных уголовных дела, одно – в руках органов уголовного преследования, другое – в руках стороны защиты.

В этой связи следует вспомнить, как именовался аналогичный следственному судье участник в дореволюционный период российского судопроизводства – «судебный следователь». Из содержания термина ясно, что ставится под вопрос пассивная роль суда, как независимого арбитра. Следователь при суде предполагает активную роль суда. И какую? Связанную с собиранием доказательств. В свете позиции К. А. Савельева обвинительного уклона России не избежать.

Нами было проведено анкетное исследование на территории 10 регионов Российской Федерации, в котором приняли участие 402 следователя, 120 адвокатов, 633 прокурора, 168 судей. В частности, практическим работникам был задан вопрос, считают ли они целесообразным введение в уголовный процесс такого участника, как «судебный следователь». Мы получили следующие результаты: ответ «да» – 114 (следователи), 31 (адвокаты), 79 (прокуроры), 41 (судьи); ответ «нет» – 190 (следователи), 77 (адвокаты), 512 (прокуроры), 118 (судьи), ответ «иное» – 3 (следователи), 5 (адвокаты), 14 (прокуроры), 10 (судьи). Как видно, большинство практиков против введения нового участника по вопросам судебного контроля и баланса интересов участников (см. диаграмму).

Анкетирование показало, что преимущественно отрицательной позиции придерживают-

ся прокуроры. Думается, волнения прокуроров вызваны тем, что в перспективе возможно смешение полномочий прокурора и следственного судьи. Зарубежный опыт подтверждает проблематику коллизии функционирования следственного судьи и надзорных полномочий прокурора.

Критическое мнение было высказано и учёными, авторитетными представителями уголовно-процессуальной науки ведомственных вузов Следственного комитета РФ. К примеру, Ю. П. Борлуенков считает, что «следственный судья в концепции реорганизации досудебного производства в аспекте технологии уголовно-процессуального познания является «слабым звеном», поскольку фактически не имеет возможности выполнять познавательную функцию. А следователь по определению осуществляет познание» [11]. Думается, что следственный судья в первую очередь должен быть нацелен не на то, чтобы осуществлять функцию резерва государственной власти и формально помогать адвокатам в собирании доказательств, а так же, как и другие участники, он должен иметь право на исследование материалов уголовного дела, соответственно, и на основания в отказе оказания содействия адвокатам в процессе собирания доказательств. Статус следственного судьи предполагает активное участие в познании и исследовании сущности уголовного дела, но в то же время он не подменяет статус следователя и судьи, в производстве которых находится уголовное дело.

Интерес представляет то, что в России планировалось ввести следственных судей по особо тяжким уголовным делам, да и при всех судах, за исключением мировых. Априори следственный судья рассматривается в качестве самостоятельного субъекта доказывания, который имеет право на проявление по своему усмотрению активности в исследовании обстоятельств по уголовному делу. В этой связи не теряет актуальности требование обосновывать свои процессуальные решения.

В. Ю. Стельмах не видит в функционировании следственного судьи перспектив для объективизации состязательности уголовного процесса по причине того, что следственный судья деформирует процессуальный статус судьи. Причина в том, что главная задача судьи – это разрешение уголовного дела по существу.

В случае со следственным судьёй имеет место «переключение только на вопросы судеб-

ного контроля, что, возможно, приведёт к снижению его квалификации... Если следственный судья будет специализироваться исключительно на рассмотрении материалов в досудебном производстве, неизбежно произойдёт его неоправданно сильная консолидация с органами предварительного расследования, то есть именно то, что законодатель стремился предотвратить чередование разрешения досудебных материалов и уголовных дел по существу» [6, с. 57]. Нам же думается, что следственный судья является универсальным судьёй, который в силу волевых установок должен видеть перспективу уголовного дела и содействовать реализации равноправия сторон на досудебных этапах процесса доказывания по уголовному делу.

В. А. Телегина высказывает мнение о бесперспективности «усиления позиции стороны защиты, поскольку усиление возможностей одной из сторон обязательно повлечет ослабление позиций другой. Принцип состязательности при этом будет нарушаться. К тому же сторона обвинения представляет ещё и интересы потерпевшего, которые не менее важны с точки зрения защиты прав и свобод человека и гражданина» [7, с. 237]. Думается, что с данным тезисом можно согласиться не в полной мере, поскольку следственный судья, не предвещая исхода уголовного дела, должен действовать в рамках УПК РФ в первую очередь в интересах обеспечения законности и реализации ст. 6 УПК РФ.

В свете опыта зарубежных государств следственный судья не вправе по собственной инициативе совершать действия и принимать решения по уголовному делу. Фактически следственный судья в Казахстане принимает участие в содействии собирания доказательств по инициативе органов уголовного преследования, стороны защиты. Заметим то, что следственный судья не имеет права нарушать процессуальную самостоятельность следователя, замещать надзор прокурора, предвещать вопросы, которые являются предметом судебного разбирательства по существу [12], но, автономный и не зависимый от других правоохранительных органов, следственный судья может отчасти регулировать баланс интересов стороны защиты и стороны обвинения.

Полагаем, что следственный судья как самостоятельный и независимый участник уголовного судопроизводства позволит объективизировать реализацию принципа состязательности в уголовном процессе России, став основным гарантом реализации судебного контроля в интересах обеспечения прав и свобод граждан в условиях беспристрастности к стороне обвинения. Не стоит забывать слова известного российского профессора И. Л. Петрухина, который писал: «Судебный контроль является достоянием мировой правовой культуры и результатом длительного процесса развития цивилизации»⁵. Вместе с тем вспоминается концептуальный подход к защите прав личности, предложенный О. И. Андреевой, которая писала об условиях ограничения прав личности, таких, как: «законность ограничения прав и правовая определён-

ность положений закона, ограничивающих права личности; наличие установленной процедуры ограничения и соответствие ее международным стандартам в области защиты прав человека; существование механизма реализации прав, закреплённого в законе; наличие в законе гарантий соблюдения прав (в том числе эффективных способов охраны и защиты нарушенного права: возможность применения ограничения по решению суда, возможность обжаловать ограничение в суд, действенный периодический контроль за необходимостью продолжения ограничения и процедура отмены ограничения)»⁶.

Видимо, следственный судья перспективен как один из участников, который в состоянии стать гарантом соблюдения прав личности в уголовном процессе. К тому же не только на досудебных стадиях, но и при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции нередко возникают вопросы получения новых доказательств, особенно, когда активизируется сторона защиты и заявляет ходатайство о получении того или иного доказательства по делу. Не исключены подобного рода ходатайства и со стороны обвинения. Как пишет О. И. Андреева, «в тех же ситуациях, когда для исправления неустранимых в судебном заседании нарушений закона, препятствующих рассмотрению и принятию судом решения по существу уголовного дела, требуется получение новых доказательств, и, как следствие, производство следственных действий, законодатель должен предусмотреть иной механизм»⁷. И в качестве одного из элементов такого механизма мы видим следственную судью, благодаря которому собирание доказательств станет более полным именно на досудебных стадиях.

Разумеется, мы поддерживаем Л. В. Головки, который отмечает, что «необходимо строить свою, российскую модель предварительного расследования без бесконечных шаляханий в угоду европейским стандартам и рекомендациям международных организаций, постепенно восстанавливая положение не «объекта», но «субъекта» уголовно-процессуального влияния, очень верное и своевременное» [8, с. 13, 16].

Резюмируя изложенное, мы полагаем, что хотя Россия богата своим национальным опытом, но и метод сравнительного правоведения нам всегда на пользу. Учитывая недостатки и пробелы в практике зарубежных государств, мы в состоянии разработать и применить оптимальную модель следственного судьи, который будет действовать в интересах реализации конституционных начал уголовного судопроизводства.

⁵ Петрухин И. Л. Прокурорский надзор и судебная власть : учеб. пособие. – Москва: Проспект, 2001. – С. 3.

⁶ Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Андреева Ольга Ивановна. – Томск, 2007. – С. 40.

⁷ Там же. – С. 42.

В научной и практической деятельности мы часто говорим об универсальности уголовно-процессуальной формы, которая направлена на реализацию состязательности и достижение справедливости сторонами процесса. Следовательно, в аспекте существующего дисбаланса на досудебных стадиях нам необходим следственный судья.

В свете сложившегося дисбаланса реализации состязательности сторон на досудебных стадиях уголовного процесса российскому судопроизводству необходим посредник – следственный судья, с помощью которого удастся оптимизировать процесс доказывания в интересах достижения справедливости и уравнивания процессуальных возможностей сторон.

Список литературы

1. Савельев К. А. Нужны ли российскому судопроизводству следственные судьи? // Судебная власть и уголовный процесс. – 2021. – № 1. – С. 108–116.
2. Головкин Л. В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального пересмотра // Государство и право. – 2013. – № 9. – С. 17–32.
3. Рябинина Т. К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи // Lex Russica. – 2017. – № 12. – С. 201–204.
4. Поддубняк А. А., Авдеев И. М. Возрождение института следственных судей в РФ // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). – № 3. – С. 227–233.
5. Дерисhev Ю. В. Следственный судья в досудебном производстве // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 79–81.
6. Стельмах В. Ю. Нужны ли в Российской Федерации следственные судьи? // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 3. – С. 55–58.
7. Телегина В. А. К вопросу о создании института следственных судей // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 2. – С. 235–242.
8. Головкин Л. В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 2. – С. 9–16.
9. Поддубняк А. А., Аблаева Д. С. Институт следственных судей в России: проблемы и перспективы // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2009. – Т. 5 (71). – № 1. – С. 179–184.
10. Милова И. Е. Следственный судья: возрождение института // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2016. – Т. 1. – № 2. – С. 196–202.
11. Боруленков Ю. П. Призывы к ликвидации предварительного следствия не основаны на современных российских реалиях // Уголовное судопроизводство. – 2016. – № 1. – С. 16–21.
12. Мергенова Г. Ж. Следственные судьи: казахстанский опыт и российские перспективы // Уголовный процесс. – 2020. – № 4 (184). – С. 60–63.

References

1. Savel'yev K. A. Nuzhny li rossiyskomu sudoproizvodstvu sledstvennyye sud'i? // Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess. – 2021. – № 1. – S. 108–116.
2. Golovko L. V. Postsovetskaya teoriya sudebnogo kontrolya v dosudebnykh stadiyakh ugovolnogo protsessa: popytka kontseptual'nogo peresmotra // Gosudarstvo i pravo. – 2013. – № 9. – S. 17–32.
3. Ryabinina T. K. Neobkhodim li rossiyskomu ugovolnomu protsessu institut sledstvennogo sud'i // Lex Russica. – 2017. – № 12. – S. 201–204.
4. Poddubnyak A. A., Avdeyev I. M. Vozrozhdeniye instituta sledstvennykh sudey v RF // Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2020. – T. 6 (72). – № 3. – S. 227–233.
5. Derishev Yu. V. Sledstvennyy sud'ya v dosudebnom proizvodstve // Ugolovnoye pravo. – 2004. – № 3. – S. 79–81.
6. Stel'makh V. Yu. Nuzhny li v Rossiyskoy Federatsii sledstvennyye sud'i? // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 3. – S. 55–58.
7. Telegina V. A. K voprosu o sozdaniy instituta sledstvennykh sudey // Uchonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo univ'rsiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. – 2015. – № 2. – S. 235–242.
8. Golovko L. V. Arkhetipy dosudebnogo proizvodstva, vozmozhnyye perspektivy razvitiya otechestvennogo predvaritel'nogo sledstviya // Ugolovnoye sudoproizvodstvo. – 2014. – № 2. – S. 9–16.
9. Poddubnyak A. A., Ablayeva D. S. Institut sledstvennykh sudey v Rossii: problemy i perspektivy // Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2009. – T. 5 (71). – № 1. – S. 179–184.
10. Milova I. Ye. Sledstvennyy sud'ya: vozrozhdeniye instituta // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. – 2016. – T. 1. – № 2. – S. 196–202.
11. Borulenkoy, Yu. P. Prizyvyy k likvidatsii predvaritel'nogo sledstviya ne osnovany na sovremennykh rossiyskikh realiyakh // Ugolovnoye sudoproizvodstvo. – 2016. – № 1. – S. 16–21.
12. Mergenova, G. Zh. Sledstvennyye sud'i: kazakhstanskiy opyt i rossiyskiye perspektivy // Ugolovnyy protsess. – 2020. – № 4(184). – S. 60–63.

Статья поступила в редакцию 02.03.2022; одобрена после рецензирования 16.04.2022; принята к публикации 26.05.2022.

The article was submitted March 2, 2022; approved after reviewing April 16, 2022; accepted for publication May 26, 2022.